A 206/1027

2007056083

№ 1027

М.П.М.

Замѣтки о Мордвѣ и памятникахъ мордовской старины въ Нижегородской губерніи.

Первыми насельниками теперешней Нижегородской губерніи въ пространствѣ между Окой и Сурой были мордва. Самый Нижній Новгородъ и по мѣстнымъ преданіямъ и по лѣтописнымъ свѣдѣніямъ и по ученымъ изслѣдованіямъ расположенъ на мѣстѣ прежняго мордовскаго города. Мало культурное и слабо сплоченное мордовское племя недолго противостояло натиску русскихъ дружинъ, пришедшихъ Окою и Волгою съ Запада и Сѣверозапада, и по необходимости уступило имъ свои насиженныя мѣста. Отъ Терюшевской мордвы въ настоящее время сохранились только жалкіе остатки главнымъ образомъ въ селѣ Маломъ Терюшевѣ, Нижегородскаго уѣзда. Это село было когда-то, повидимому, центромъ мордовства, по крайней мѣрѣ въ религіозной области. Еще въ 1879 году здѣсь была цѣла Кереметь—роща съ вѣковыми липовыми и дубовыми деревьями, извѣстная у русскихъ крестьянъ подъ именемъ «мордовскаго моленья». Жители этой деревни сохранили мордовскій языкъ, и многія женщины, особенно старухи, говорятъ, и теперь весьма плохо понимаютъ русскій языкъ; они же у окрестныхъ крестьянъ слывутъ знахарями и колдунами. Что же касается села Большого Терюшева, то жители его совершенно обрусѣли, давно оставили свои мордовскіе наряды, облеклись въ русскую крестьянскую одежду, а то такъ и въ городскіе «спинжаки съ желетками». Въ 1879 году, по словамъ одного мѣстнаго жителя, у нихъ въ селѣ оставалось не болѣе 10 древнихъ стариковъ и старухъ, помнящихъ еще мордовскій языкъ; теперь, навѣрное, и ихъ уже нѣтъ въ живыхъ. Впрочемъ, въ окрестностяхъ Терюшева много мордовскихъ селъ и деревень, гдѣ мордовскій элементъ еще весьма значителенъ. Проѣзжающаго по тѣмъ мѣстамъ русскаго поражаютъ женщины съ характернымъ плоскимъ, но красивымъ лицомъ мордовскаго типа: блондинки съ густымъ румянцемъ на щекахъ, съ легко выдающимися скулами и нѣсколько приплюснутымъ носомъ; нарядъ ихъ чисто мордовскій: бѣлыя, расшитыя красной и черной шерстями рубахи (кажется, ихъ зовутъ поньками, или понявами), расшитые головные уборы, бѣлыя пушинки, или заячья бѣлая шерсть надъ ушами, назади у косы или на спинѣ на рубахѣ разныя блестящія побрякушки, бусы, мелкія раковинки и даже, кажется, деньги. Мущины—мордва также одѣваются нѣсколько иначе, чѣмъ русскіе: вмѣсто русской синей или ситцевой рубашки на нихъ холстовыя бѣлыя, у ворота нѣсколько расшитыя, съ черной или синей изъ тесьмы оторочкой.

Мордва Нижегородскаго уѣзда, по сравненію съ мордвою Арзамасскаго и Лукояновскаго уѣздовъ, которыхъ намъ приходилось видѣть, въ одеждѣ болѣе опрятны, а лицомъ болѣе красивы, въ особенности молодыя женщины.

Объ Арзамасскомъ мордовскомъ царствѣ (именно царствѣ, по мѣстнымъ преданіямъ) намъ приходилось слышать только то, что центромъ его былъ городъ Арзамасъ.

Въ настоящее время въ окрестностяхъ Арзамаса Мордвы ближе 17 вер. нѣтъ. Ближайшее къ Арзамасу мордовское село Великій Врагъ уже значительно обрусѣло. Чѣмъ далѣе на югъ и на юговостокъ отъ Арзамаса, тѣмъ мордовскій элементъ цѣльнѣе и нетронутѣе русскимъ вліяніемъ.

Лукояновскій уѣздъ, занимающій юговосточный уголъ Нижегородской губерніи, особенно богатъ Мордвой. Тамъ есть почти нетронутые русской культурой уголки, гдѣ порусски мало мальски сносно говорятъ только мущины, а многія женщины особенно старухи не знаютъ ни слова русскаго. Но тамъ же есть совершенно обрусѣвшія мордовскія села. Къ числу этихъ обрусѣвшихъ мордовскихъ селъ принадлежитъ село Тагаево съ своей небольшой приходской деревушкой Кармалеями. По мѣстному преданію, Тогаево, или, вѣрнѣе Кармалеи служили когда-то центромъ бывшаго здѣсь мордовскаго «царства». Село Тогаево находится въ 3-хъ верстахъ отъ заштатнаго города Починокъ, а деревня Кармалеи менѣе, чѣмъ въ полуверстѣ отъ Тогаева.

Окрестное русское населеніе во главѣ съ «культурными» Починками сдѣлало Тогаево и въ особенности Кармалеи какой-то притчею во языцѣхъ. Всевозможныя сказки и побасенки, осмѣивающія человѣческую недалекость, недомысліе и невѣжество, прилагаются во всемъ починковскомъ районѣ ни къ кому другому, какъ къ Кармалеямъ и Кармалейцамъ.

Жителей Тогаева и Кармалей называютъ «березовиками» за бѣлизну ихъ волосъ и лица, служащую, кажется, наравнѣ съ нѣсколько выдающимися скулами, плоскимъ лицомъ и приплюснутымъ слегка носомъ, существеннымъ признакомъ мордовскаго типа.

Жители Тогаева и Кармалей ни языка, ни обычаевъ, ни украшеній мордовскихъ не сохранили. Въ образѣ жизни они ничѣмъ не отличаются отъ окрестныхъ русскихъ крестьянъ. Но нужно признать въ ихъ характерѣ нѣкоторыя особенныя черты, несвойственныя крестьянамъ ближнихъ селъ и деревень. Нѣтъ въ нихъ обычнаго русскаго добродушія, мягкости характера, общительности; вмѣсто этого они отличаются грубостью, недовѣрчивостью, угрюмостью и замкнутостью. Не разъ намъ приходилось проѣздомъ чрезъ Тогаево заговаривать съ крестьянами этого села, но рѣдко удавалось вызвать ихъ не то что на откровенность, но просто на разговоръ. Можетъ быть, благодаря этой чертѣ своего характера—замкнутости, тогаевскіе и кармалейскіе крестьяне не пользуются симпатіями окрестнаго населенія и служатъ предметомъ всевозможныхъ остротъ, насмѣшекъ и обидныхъ для самолюбія побасенокъ.

Въ 6 верстахъ отъ Тогаева и въ 2-хъ верстахъ отъ Байкова есть принадлежащее крестьянамъ послѣдняго села поле, называемое «Мордовскимъ» («Степаново» тожь). Оно примыкаетъ къ рѣкѣ Руднѣ. Въ часто случающихся на немъ обвалахъ мѣстные крестьяне находятъ, по ихъ словамъ, какіе-то «большіе ножи», очевидно, холодное военное оружіе. Не служило ли это поле полемъ битвы? Видѣть эти ножи намъ не приходилось, но намъ на этомъ Мордовскомъ полѣ лично приходилось видѣть слѣды когда-то бывшаго здѣсь жилья—глиняные черепки и обожженый кирпичъ. Говорятъ, что тутъ

же находятъ человѣческіе скелеты и старыя деньги. Въ селѣ Байковѣ 10 лѣтъ тому назадъ, при рытьѣ фундамента подъ новую каменную церковь, находили множество человѣческихъ скелетовъ. Особенное вниманіе при этомъ привлекъ къ себѣ одинъ скелетъ—гигантъ, удивительно хорошо сохранившійся, благодаря, вѣроятно, тому, что онъ былъ заключенъ въ толстую долбленую дубовую колоду, которая тоже отлично сохранилась. Скелетъ этотъ принадлежалъ исполину-женщинѣ, потому что на головѣ отлично сохранились замѣчательной длины и толщины коса, заплетенная въ нѣсколько прядей, и украшенія въ видѣ какихъ-то побрякушекъ, раковинокъ и мелкихъ монетъ.

Селеніе это, имѣющее болѣе 1000 душъ, очевидно, давнишнее. До 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія оно принадлежало Троицко-Сергіевой Лаврѣ, а потомъ крестьяне его числились то коннозаводскими, то удѣльными, то просто казенными.

Въ 2 верстахъ отъ села Дуракова есть какое-то кладбище, и дождями часто вымываетъ человѣческіе трупы. Мѣстность эта носитъ названіе «Мордовской горы». Мнѣ не приводилось слышать, чтобы въ этой Мордовской горѣ находили оружіе. «Мордовская гора» у дураковскихъ крестьянъ пользуется весьма дурной репутаціей: не дай Богъ запоздать и ѣхать здѣсь въ полночь: «непремѣнно какая-нибудь нечисть напугаетъ, собьетъ съ дороги, заведетъ въ оврагъ, сломаетъ экипажъ» и т. п. даже лошади будто въ этомъ мѣстѣ начинаютъ ни съ того, ни съ сего дрожать, а то такъ отъ нихъ повалитъ густой паръ. Такой взглядъ на нечистоту этой Мордовской горы поддерживается немало тѣмъ, что во многихъ мѣстахъ ея въ сырое время показываются блуждающіе огоньки, вѣроятно, надъ могилами зарытыхъ здѣсь труповъ. На югъ отъ Починокъ и Тогаева, верстахъ въ 15 отъ нихъ и въ 2-хъ отъ своего приходскаго села Маресева на Руднѣ (барское Маресево) есть деревня Погиболка. Въ верстѣ отъ нея указываютъ 2 или, кажется, болѣе четвероугольныхъ кургана, очень большихъ,—саженъ по 30 въ длину по 10 въ ширину и довольно еще высокихъ, съ мало опустившимися краями; одинъ изъ нихъ, кажется, даже не распаханъ, а другіе хотя и распаханы, но всетаки представляютъ довольно значительныя возвышенія на ровной поймѣ рѣки Рудни.

Если нерусское названіе села служитъ указаніемъ на первоначальное его нерусское происхожденіе и на нерусскихъ его первыхъ насельниковъ, то къ числу обрусѣвшихъ мордовскихъ селъ, мы думаемъ, можно отнести въ Лукояновскомъ уѣздѣ значительное ихъ число. Скажемъ по нѣскольку словъ о болѣе или менѣе намъ извѣстныхъ селахъ. Въ Лукоян. уѣздѣ есть два села Маресева: одно Маресево на Руднѣ, вблизи котораго расположены упомянутые нами выше курганы, вблизи деревни Погиболки; другое Маресево Большое, или базарное. Крестьянки лежащихъ вблизи Маресева на Руднѣ селъ—Дуракова, Шишадеева, Никитина, Василевки, Усада и нѣкоторыхъ другихъ носятъ до сего времени головной уборъ, очень близкій къ мордовскому; весьма высокій и узкій волосникъ съ навѣсомъ напередъ. Въ самомъ Маресевѣ этихъ волосниковъ не носятъ: вѣроятно, давнишніе владѣтели этого села Философовы вывели ихъ; перечисленныя же въ окрестностяхъ

Маресева села крѣпостного, помѣщичьяго права не знали, а были—или удѣльнаго вѣдомства, или коннозаводскаго, а потому, вѣроятно, у жителей ихъ и остался этотъ древній (мордовскій) уборъ ихъ предковъ.

Не обрусѣвшее мордовское населеніе Лук. уѣзда весьма значительно, особенно въ средней и юговосточной его части. Мордовскія села здѣсь весьма обширны: кажется, нѣтъ мордовскаго села, въ которомъ было бы менѣе 1000 душъ, а есть села и въ 2 и въ 3 тысячи. Села эти слѣдующія: Ичалки, Кендя, Лобазки, Печи, Чиргуши, Иванцево старое, Кельдюшево, Николай-Даръ и др. Лукояновскіе мордва зовутъ себя—эрзяне и не смѣшиваютъ себя съ терюханами и мокшанами. Отличительныя внѣшнія черты ихъ почти тѣ же, что мы выше указали у мордвы Нижегородскаго уѣзда — терюханъ, а именно: бѣлизна кожи съ избыткомъ румянца на щекахъ, особенно у женщинъ, плоское лицо, небольшой, нѣсколько приплюснутый носъ, голубые или свѣтло-сѣрые глаза, выдающіяся нѣсколько подъ глазами скулы и короткая шея. По сравненію съ мордвой - терюханами, Лукояновская мордва выше ростомъ, коренастѣе и вообще высмотрятъ много здоровѣе. Въ одеждѣ у нихъ преобладающій цвѣтъ—бѣлый; рубахи женщинъ замысловато расшиты преимущественно черными и красно-коричневыми шерстями; на головѣ у женщинъ узкіе, но высокіе волосники съ навѣсомъ изъ плетенаго кружева напередъ; на спинѣ пониже пояса, на груди и, кажется, на воротникѣ рубашки—расшитый шерстями и украшенный раковинками, бусинками, иногда монетами и другими блестящими побрякушками четыреугольникъ; подъ ушами у нихъ или пушинки или бѣлая заячья шерсть. Мущины по одеждѣ не отличаются отъ русскихъ развѣ только выдадутъ ихъ такъ называемые «мордовскіе» лапти, отличающіеся отъ русскихъ тѣмъ, что у нихъ отсутствуютъ набитые лыкомъ, или соломой, борты, и тѣмъ, что они сплетены изъ крупныхъ лыкъ на прямую колодку; вмѣсто веревочныхъ лапти у нихъ привязываются обыкновенно ременными оборами.

По характеру Лукояновская мордва—народъ въ высшей степени миролюбивый, тихій и даже трусливый. Сельскіе и волостные писаря считаютъ мѣста въ мордовскихъ селахъ самыми выгодными и хлѣбными.—По развитію Лукояновскіе мордва народъ весьма недалекій. Если русскаго назовутъ «мордвинъ», то это названіе служитъ для него весьма нелестной аттестаціей.—Русскій языкъ мордва знаютъ плохо: есть женщины, вовсе не говорящія по русски. Впрочемъ, школы въ мордовскихъ селахъ, особенно умножившіяся за послѣднія 20 лѣтъ, дѣлаютъ свое дѣло.

Надо отдать честь мордвамъ: отъ обученія дѣтей грамотѣ они не сторонятся, какъ русскіе въ нѣкоторыхъ селахъ Лук. уѣзда, и если нѣтъ мѣста въ своей сельской школѣ, такъ они отправляютъ дѣтей учиться то въ сосѣднюю школу, то къ членамъ мѣстнаго причта.—Національное самосознаніе мордвы въ высшей степени слабо: они какъ будто даже стыдятся своего мордовскаго происхожденія, стараются, что можно, перенять у русскихъ и даже другъ друга стараются перещеголять знаніемъ русскаго языка, который они любятъ употреблять даже въ разговорѣ между собой.

Пѣсенъ мордва почти не поютъ, да своихъ пѣсенъ у нихъ какъ будто и нѣтъ вовсе, а въ избыткѣ чувствъ они пробавляются русскими народными пѣснями.

За великую честь для себя считаютъ мордва—выдать дочь за русскаго, въ русскую семью и даже даютъ за ней большое приданое, чтобы только добиться этой чести, тогда какъ у русскихъ обычно женихъ даетъ выкупъ отцу невѣсты, а равно также платится женихъ-мордвинъ и въ томъ случаѣ, когда онъ беретъ за себя дѣвушку изъ мордовской семьи. Однако случаи, когда бы мордовская семья породнилась съ русской, весьма рѣдки; только развѣ очень зажиточнымъ мордвамъ, а такихъ между ними немало,—удается залучить въ свою семью русскую сноху. Причиной этого рѣдкаго счастія мордвина служитъ, конечно, надменный и пренебрежительный взглядъ русскихъ на мордву, а главнымъ образомъ то, что въ Лукояновскомъ уѣздѣ нѣтъ, кажется, вовсе селъ со смѣшаннымъ русскимъ и мордовскимъ населеніемъ, и русскія дѣвушки на сторону, тѣмъ болѣе въ исключительно мордовскую среду, идутъ неохотно. Намъ извѣстны случаи, когда выданная въ мордовское село за мордвина русская сбѣжала съ «тоски» отъ мужа. Однако, несмотря на очевидную непрочность такихъ смѣшанныхъ браковъ, мордва тѣшатъ свое тщеславіе и стремятся родниться съ русскими.

Хозяева мордва отличные: хлѣбъ у нихъ всегда родится лучше, чѣмъ у русскихъ; скотъ ихъ крупнѣе и сытнѣе русскаго. Особенно они любятъ лошадей: в Лобазкахъ и Кельдюшевѣ намъ извѣстны крестьяне, выращивающіе тысячныхъ жеребцовъ.

Помимо земледѣлія многіе изъ мордвы занимаются торговлей: скупаютъ у русскихъ сало, хлѣбъ, кожи, пеньку, ленъ, мочало и т. п. сельскія произведенія для перепродажи У многихъ есть маслобойни, выбивающія конопляное масло изъ перекупного сѣмени на тысячи рублей.—Но самымъ излюбленнымъ предметомъ ихъ торговли служатъ почему-то куриныя яйца, которыя они съ ранней весны начинаютъ скупать по русскимъ селамъ и везутъ на сотняхъ подводъ въ Нижній на ярмарку. Мордва — хорошіе огородники: по первому колесному пути они уже развозятъ по русскимъ селамъ выгнанный ими въ скотныхъ избахъ ранній зеленый лукъ, обмѣнивая его преимущественно на яйца.

Нравственныя, религіозныя и семейныя начала у мордвы Лукояновской стоятъ довольно высоко. Въ области религіи большихъ знаній у нихъ нѣтъ, но самая вѣра ихъ тверда и искренна. Не мудрствуя много, всякую икону они считаютъ за «Миколу-Бога».—Вообще нужно сказать, что мордва Лукояновскаго уѣзда – народъ весьма симпатичный. Жалѣть-ли, радоваться-ли тому, что свой національный обликъ они теряютъ очень быстро? Можно съ увѣренностью сказать, что при такой симпатіи ко всему русскому лѣтъ чрезъ 50 они совершенно обрусѣютъ

А. Смирновъ.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

И. д. Секретаря И. Смирновъ.

Казань. Типо-литографія университета. 1893.

2007056083